

ДНЕВНИКЪ М. Н. ПОХВИСНЕВА ¹⁾.

1853 годъ. Январь—Февраль.

8 Февраля (1853) Воскресенье.

Въ послѣдней книгѣ *Мсквитянина* помѣщены преинтересныя Записки С. П. Жихарева, бывшаго сенатора; онъ началъ писать свой дневникъ еще будучи студентомъ и продолжалъ почти всю свою жизнь. Пока помѣщенъ дневникъ Студента, за которымъ послѣдуетъ Дневникъ Чиновника. Эти современные мемуары писаны бойкимъ, остроумнымъ перомъ, просто, безъ лишнихъ претензій, и эта-то безыскусственность составляетъ ихъ прелесть. Вѣроятно въ послѣднее время ils étaient retouchés ²⁾, потому что языкъ намъ современный. Ихъ купилъ М. П. Погодинъ и, говорятъ, за безцѣнокъ. Жихареву ѣсть нечего, и онъ радехонекъ былъ хотя что нибудь за нихъ выручить.

Чтеніе этихъ мемуаровъ соблазнило и меня вести свой дневникъ. Я уже не разъ въ жизни моей принимался за этотъ трудъ, но всегда бросалъ его по недостатку терпѣнія и постоянства. Попытаюсь снова; авось послѣднія мои занятія по службѣ попріучили меня къ бѣльшему постоянству и настойчивости. Право, нехудо отдавать себѣ отчетъ на бумагѣ въ томъ что дѣлаешь, мыслишь и чувствуешь; эти бѣглыя замѣтки могутъ пригодиться, если не для себя, такъ для другихъ и во всякомъ случаѣ въ послѣдствіи не лишены будутъ занимательности, а между тѣмъ и для пишущаго это полезно какъ упражненіе въ языкѣ. И такъ съ Богомъ, начнемъ!

Не мѣшааетъ оглянуться назадъ и начать съ начала новаго года, благо, что еще съ 1 Января немного ушло времени.

¹⁾ Михаилъ Николаевичъ Похвисневъ, позднѣе начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати, род. въ 1813 г. † 4 Ноября 1882 года. П. Б.

²⁾ Они были подправлены. Записки Студента въ новомъ изданіи появились въ „Русскомъ Архивѣ“ 1890 и 1891 годовъ. П. Б.

Декабрь и начало Января я былъ много озабоченъ служебными дѣлами. Не обошлось, какъ слѣдуетъ, безъ огорченій. Въ началѣ зимы попечитель нашъ¹⁾ представилъ меня на вакансію ценсора здѣшняго Ценсурнаго Комитета (на мѣсто князя Львова, отставленнаго за пропускъ Записокъ Охотника Тургенева). Я долго не рѣшался принять предложеніе попечителя; но значительное содержаніе, сопряженное съ этою должностію, заставило меня согласиться. Чтò дѣлать! Это, быть можетъ, не совершенно похвально, но при моихъ средствахъ къ жизни очень понятно. Дѣйствительно, при нынѣшнихъ требованіяхъ и строгости правительства *il faut penser à deux fois*²⁾ прежде чѣмъ рѣшиться принять такую должностъ. Хорошо еще, что въ Москвѣ мало печатается, и есть надежда, что и того меньше будетъ печататься.

Пока представленіе обо мнѣ было въ ходу, попечитель получилъ увѣдомленіе частнымъ письмомъ отъ министра, что Государю не угодно изъявить предварительнаго согласія на опредѣленіе полковника Аверкіева (*beau-frère* Вл. И. Назимову) помощникомъ попечителя Моск. Учебн. Округа. Князь Гагаринъ (флигель-адъютантъ, служащій на Кавказѣ) самъ отказался, а потому теперь поле свободное. Влад. Ивановичъ, любя меня и помня сдѣланное мнѣ имъ самимъ предложеніе, безъ всякаго съ моей стороны искательства, снова предложилъ мнѣ занять это мѣсто. Я разумѣется не заставилъ себя упрашивать. Попечитель самъ заѣзжалъ ко мнѣ два раза въ одинъ день и, не заставъ меня дома, приказалъ по возвращеніи моемъ тотчасъ къ нему пріѣхать. Я отыскался дома около 4 часовъ и, не обѣдая, поскакалъ къ нему. „Напишите поскорѣе отъ моего имени письмо къ министру, только поубѣдительнѣе и поскорѣе, для того чтобы меня не забросали просьбами“. Я расцѣловалъ его, но только замѣтилъ, что мнѣ весьма легко могутъ отказать, потому что я уже представленъ въ цензоры. На другой день письмо покатилося по чугункѣ въ Питерь.

Отвѣтъ министра не заставилъ себя дожидаться. Черезъ недѣлю получено письмо отъ князя Шихматова съ полнымъ и рѣшительнымъ отказомъ. Министръ пишетъ, что не можетъ принять на себя ходатайство о моемъ назначеніи, потому что при нынѣшнемъ возвышеніи ректорскихъ мѣстъ подчинить огромный округъ съ университетомъ надворному совѣтнику было бы неудобно и не могло бы сопровождаться благоприятными послѣдствіями; что, при всей довѣренности попечителя, я не могу еще имѣть достаточной опытности, что я въ теченіи двухъ лѣтъ представляюсь на четвертое мѣсто, что для меня слишкомъ много по-

¹⁾ Владимиръ Ивановичъ Назимовъ, у котораго М. Н. Похвисневъ былъ правителемъ канцеляріи. П. Б.

²⁾ Надобно дважды подумать.

ступить прямо, такъ сказать, изъ правителя канцеляріи въ помощники попечителя, что я еще не успѣлъ заслужить уваженія и извѣстности въ обществѣ и въ заключеніе *pour dorer la pilule*¹⁾, что я могу впрочемъ надѣяться въ послѣдствіи на полученіе этого мѣста, если служба моя будетъ того заслуживать. Однимъ словомъ, обработали славно! Истощены были всѣ доводы, чтобы отказать; но что болѣе всего меня опечалило, такъ это тонъ самаго письма. Видно, меня дурно разумѣютъ въ Министерствѣ и вѣроятно считаютъ за какого-нибудь пройдоху, искателя мѣстъ, тогда какъ въ этомъ дѣлѣ *initiative*²⁾ принадлежитъ самому попечителю! Вѣроятно меня успѣли обнести и представить какъ интригана, оттого что я пользуюсь довѣренностью попечителя. Благодаря Богу, совѣсть моя спокойна: я до сихъ поръ не употреблялъ во зло довѣренности, которою меня жалуегъ благороднѣйшій Владимиръ Ивановичъ. Напротивъ, видигъ Богъ, я употреблялъ всѣ мои усилія, дѣлалъ все что могъ для пользы службы и моего несравненнаго начальника. Но вѣдь давно извѣстна истина—никакой успѣхъ не прощается людьми. Я, подобно многимъ другимъ, испытываю это на себѣ. Меня оскорбилъ не столько отказъ, сколько неуважительный обо мнѣ отзывъ министра. Я полагалъ, что службою своею, хотя и непродолжительною, я заслужилъ лучшее о себѣ мнѣніе. Надѣюсь, что кто вблизи видѣлъ мои дѣйствія, тотъ будетъ другихъ обо мнѣ мыслей. Мнѣ ставятъ въ вину, что я будто имѣю вліяніе на округъ; есть даже люди, которые трезвонягъ по Москвѣ, что будто бы я ворочаю округомъ. Но пусть эти судьи чужихъ дѣлъ, въ которыхъ сами ничего не смыслятъ, докажутъ, что я имѣлъ дурное вліяніе на дѣла, что я обманывалъ, продавалъ своего начальника, какъ дѣлаютъ эти же самые клеветники. Но къ чему оправданія? Время лучше всего оправдываетъ меня.

Письмо министра получено было въ день бала у Н. Г. Рюмина, у котораго долженъ былъ быть и попечитель. Я не послалъ къ нему письма, чтобы не огорчить его передъ баломъ, а самъ поѣхалъ къ Рюминымъ, чтобы предварительно сообщить ему содержаніе письма. Когда попечитель вышелъ изъ за картъ въ концѣ вечера и подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ „не получено ли чего новаго“, я передалъ ему отъ слова до слова содержаніе письма. Онъ, казалось, былъ пораженъ еще больше меня. Усѣвшись въ углу гостиной, мы долго разсуждали и приискивали причины, побудившія министра отказать ему. Подозрѣваетъ, не повредили ли мнѣ здѣшнія власти, которыя, сколько судить можно, не

¹⁾ Чтобы позолотить пилюлю.

²⁾ Починъ.

очень благоволять ко мнѣ. Разстроенный уѣхалъ Назимовъ съ бала. На другой день я отвезъ ему письмо. Рѣшено было отвѣчать министру въ мою защиту. Я, не надѣясь на успѣхъ и находя защиту эту бесполезною, просилъ уволить меня отъ сочиненія отвѣта. Попечитель настаивалъ и передалъ мнѣ въ подробности, въ какомъ видѣ долженъ былъ быть написанъ отвѣтъ его. Я долженъ былъ повиноваться. Въ письмѣ своемъ попечитель выражалъ сожалѣнiе о томъ, что достойный и полезный чиновникъ устраняется министромъ, что я не искалъ этого мѣста, но что этого желалъ онъ самъ, дабы имѣть во мнѣ настоящаго себѣ, а не по одному только имени, помощника, что я пользуюсь полнымъ уваженiемъ всѣхъ меня знающихъ, что неоднократно были примѣры назначенiя въ эту должность людей не выше меня чиномъ и моложе лѣтами; указывалъ на князя Щербатова и Батюшкова, наконецъ въ заключенiе присовокупилъ, что онъ остается при прежнемъ обо мнѣ мнѣнiи и только сожалѣеть, что это мнѣнiе не раздѣляетъ съ нимъ министръ. Конечно такое письмо не должно было склонить министра, извѣстнаго если не твердостью характера, такъ упрямствомъ. Черезъ недѣлю опять полученъ былъ отвѣтъ. Министръ опровергалъ приведенные попечителемъ примѣры, говоря, что Щербатовъ назначенъ былъ самимъ Государемъ, вѣроятно, за заслуги отца, а Батюшковъ поступилъ въ помощники изъ вице-губернаторовъ и притомъ въ округъ (Виленскiй), гдѣ нѣтъ Универ-та и всего только четыре губернiи, и въ заключенiе съ нѣкоторою колкостью замѣтилъ, что онъ охотно всѣ эти примѣры относитъ на ближайшее усмотрѣнiе его прев-ва. После такого положительнаго отказа, надо было и мнѣ отложить свои надежды.

Попечитель, боясь, чтобы ему не навязали помощника мимо его, рѣшился, въ дополненiе къ ходатайству обо мнѣ, рекомендовать еще двухъ: Тверскаго директора гимназiи ген.-маiора Извѣкова, чело-вѣка уже немолодаго и небойкаго, но за то чиновнаго, и еще директора 3 Московской гимназiи камеръ-юнкера кол. совѣтн. Зиновьева. Онъ спросилъ моего мнѣнiя. Огорченный отказомъ министра, я рѣвно-душно отвѣчалъ: какъ угодно вашему п-ву, хотя мысленно подумалъ, что Зиновьевъ, будучи въ одномъ со мною чинѣ (я уже произведенъ въ кол. совѣтники), имѣеть не больше меня правъ на это мѣсто. Но такъ какъ этого хотѣлось Владимиру Ивановичу, то я не сталъ возражать противъ этой комбинацiи, тѣмъ болѣе что для меня теперь все равно, кто бы ни былъ помощникомъ. Вновь написано было письмо къ министру, въ которомъ, въ дополненiе къ прежнему ходатайству, рекомендуются Извѣковъ и Зиновьевъ, предоставляя ему выборъ изъ трехъ кандидатовъ. Между тѣмъ попечитель просилъ меня никому не

говорить объ этомъ и держать въ тайнѣ, съ тѣмъ, что и онъ не скажетъ никому.

Недѣли двѣ спустя, уже послышались толки въ Москвѣ о томъ, что въ помощники представленъ Зиновьевъ; вскорѣ заговорилъ весь Универ-тъ и всѣ которые занимаются чужими дѣлами. Я передалъ объ этихъ слухахъ Назимову, показывая мое изумленіе, какимъ образомъ могли въ Москвѣ узнать этотъ секретъ. Попечитель увѣрилъ меня, что министръ самъ передалъ объ этомъ брату Зиновьева (наставнику при дѣтяхъ Наслѣдника). Я, разумѣется, объяснилъ себѣ это дѣло самымъ простымъ образомъ: Владимиръ Ивановичъ вѣроятно самъ предложилъ Зиновьеву; иначе и быть не могло. Зиновьевъ тотчасъ написалъ къ брату. Подняли на ноги Сергѣя Михайловича Голицына (черезъ Трубецкихъ, родню жены Зиновьева), забѣжали къ графу Закревскому, хотя послѣдній, какъ говорятъ, имѣлъ въ виду своего кандидата (полковника Корнилова). Вмѣстѣ съ Зиновьевымъ принялся хлопотать молодой князь Шихматовъ (племянникъ министра, служащій чиновникъ особыхъ порученій при нашемъ попечителѣ) о полученіи мѣста директора 3 гимназіи, которое должно очиститься по назначеніи Зиновьева помощникомъ. На мѣсто Шихматова въ свою очередь сталъ проситься Лисянскій (морякъ, пріѣхавшій изъ Чернаго моря искать гражд. службы и введенный въ домъ попечителя товарищемъ своимъ Шихматовымъ). Полетѣли письма въ Петербургъ, Зиновьевъ поскакалъ самъ хлопотать. Однимъ словомъ, заварилась каша. Все это обрушилось на министра, который, какъ ни упрямился, но окруженный и терзаемый родственниками, долженъ былъ наконецъ сдаться и изъявить согласіе на перемѣщеніе племянника своего директоромъ 3 гимназіи. Съ этимъ связана была участь и Зиновьева, который, благодаря просьбамъ своихъ родныхъ и вмѣстѣ родственнымъ побужденіямъ министра, долженъ получить мѣсто помощника. Теперь посмотримъ, какія права его на мѣсто. Еще нѣтъ года какъ онъ поступилъ на службу и откуда поступилъ? Изъ смотрителей Орловской арестантской роты! Правда, онъ кончилъ курсъ университетскій и человѣкъ не безъ образованія, но весьма обыкновенный, и едва ли не моложе меня лѣтами. За то у него другія достоинства, которыя цѣнятся дороже всѣхъ нашихъ дарованій—у него братъ служить при Дворѣ, и онъ самъ женатъ на Трубецкой! Удивительно одно: тѣже причины, которыя препятствовали мнѣ получить мѣсто помощника, а именно недостаточность чина и служебной опытности, въ отношеніи къ Зиновьеву не считаются препятствіями. Это своего рода логика, свойственная князю Шихматову. Стану ли я обвинять въ этомъ благороднѣйшаго Владимира Ивановича? И имѣю ли я на это хотя малѣйшее право? Онъ искренно желалъ имѣть

меня своимъ сотрудникомъ; но когда ходатайство его было безуспѣшно, весьма понятно, что ухватился за перваго порядочнаго человѣка изъ людей ему извѣстныхъ, для того чтобы не навязали ему другаго кандидата. Если можно во всей этой несчастной исторіи винить кого, такъ это самого министра, этого ханжу, безкровное, бездушное и вмѣстѣ съ тѣмъ упрямое существо, какъ всѣ ограниченные люди. Отказалъ человѣку подѣ предлогомъ недостаточнаго чина и молодости и между тѣмъ согласился на назначеніе другаго, совершенно равнаго въ правахъ съ первымъ, единственно для того, чтобы дать мѣстечко *родному человѣчку!* Гдѣ же это безпристрастіе, правота, которыя должны бы быть свойственны такому богомолу, каковъ князь Шихматовъ?

Когда разошлись слухи о назначеніи Зиновьева, я не могъ скрыть моего неудовольствія и высказать самому попечителю. Онъ уговаривалъ меня не огорчаться, а главное не показывать огорченія. „Быть можетъ, это къ лучшему“, говорилъ онъ. Конечно, если смотрѣть съ этой точки зрѣнія, такъ нечего и огорчаться. Если суждены мнѣ дальнѣйшіе успѣхи по службѣ, такъ они придутъ сами собою. Всѣ эти неудачи порядочно взводновали мою желчь и, какъ я ни владѣю собою, однакоже не могъ скрыть моего огорченія. Между тѣмъ въ концѣ Декабря пришло утвержденіе меня въ должности цензора.

Въ день Новаго года былъ по обычаю съ поздравленіемъ у графа Закревскаго. Графъ, подойдя ко мнѣ, спросилъ, вступилъ ли я въ должность и посовѣтовалъ при новыхъ занятіяхъ *смотреть въ оба!* Я поблагодарилъ его за предостереженіе, хотя и выраженное вовсе нелюбезнымъ образомъ. На Святкахъ получилъ попечитель частное уведомленіе отъ статсъ-секретаря Буткова о наградахъ, вышедшихъ по нашему округу. Меня въ этомъ числѣ нѣтъ, хотя попечитель представилъ меня къ Аннѣ на шею и неоднократно просилъ за меня министра. Между тѣмъ произвели въ дѣйств. статскіе совѣтники Жидка Геймана, даже помимо попечителя, который представлялъ его только къ коронѣ на Анну. Вотъ какъ умѣютъ обдѣлывать дѣлишки! Это взорвало Назимова. Меня же эта неудача, послѣ недавняго пораженія, мало огорчила. Видно, прямымъ путемъ ничего не выиграешь. Жаль только, что двухлѣтняя служба моя при лицѣ попечителя въ званіи правителя канцеляріи и инспектора казенныхъ училищъ осталась безъ всякаго вниманія со стороны министерства, а могу смѣло сказать, что трудовъ было немало!

Министръ спохватился и написалъ къ Назимову письмо, въ которомъ изъявляетъ сожалѣніе, что онъ не могъ доставить мнѣ въ нынѣшнемъ году награды, потому что награду *внѣ правилъ* долженъ былъ, будто бы по усиленному ходатайству самого Владимира Ивановича.

предоставить на этотъ разъ Демидову (попечителю Демидовскаго Лицея, произведенному изъ отставныхъ штабсъ-ротмистровъ въ статскіе совѣтники), просить Влад. Ив-ча этимъ не огорчаться и увѣрять, что на будущій годъ онъ будетъ ходатайствовать о награжденіи Похвиснева. Спасибо и за это!

Послѣ Крещенія я присягалъ на полученный чинъ и на новую должность. Января—вступилъ въ исправленіе обязанностей ценсора. На первый разъ достались мнѣ двѣ рукописи на разсмотрѣніе: повѣсть г. Угренкова *Яковъ Петровичъ* и *О причинахъ бѣдности помѣщичьихъ крестьянъ*, произведеніе какого-то 3 гильдіи купца Извольскаго. И ту и другую возвратилъ я безъ одобренія. Затѣмъ переданы мнѣ на разсмотрѣніе рукописи: трехтомное *собраніе стихотвореній г. Лихачева* (сенатскаго регистратора)—бездарный наборъ рѣмъ и пустыхъ мыслей, надъ которымъ совѣстно тратить время, и автору, и бѣдному ценсору. Еще *Юридическій Сборникъ*, составленный изъ статей Казанскихъ профессоровъ и молодыхъ ученыхъ, трудъ весьма дѣльный, судя по началу. Затѣмъ одобрена мною къ печатанію рукопись медицинскаго содержанія: *О пупочныхъ грыжахъ*, предварительно разсмотрѣнная здѣшнимъ медицинскимъ факультетомъ. Сверхъ того мнѣ поручено цензурованіе неофициальной части *Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*. Редакторъ г. Родиславскій былъ у меня, и я сговорился съ нимъ чтобы Вѣдомости (выходившія по Субботамъ) присылались ко мнѣ на просмотръ въ корректурныхъ листахъ не позднѣ Четверга вечеромъ.

Между тѣмъ, сверхъ занятій по ценсурѣ, попечитель взвалилъ на меня составленіе годоваго отчета по округу „Я поклонюсь вамъ за это въ ножки“, сказалъ Владимиръ Ивановичъ, и я разумѣется не смѣлъ отказаться отъ этого порученія, хотя оно и очень обременительно. Теперь я заваленъ работою. По канцеляріи также встрѣчаются занятія. Новый правитель канцеляріи Полуденскій часто совѣщается со мною о дѣлахъ, и я всеѣмъ служу чѣмъ могу. Дай Богъ только побольше здоровья: оно мнѣ частенько измѣняетъ.

25 Января былъ большой балъ у графа Закревскаго, куда и я былъ приглашенъ. Балъ былъ блестящій, гостей человекѣтъ, говорятъ, до 800. Встрѣтилъ Владимирскихъ знакомыхъ: Щербачева съ женою и кирасира Ламанова.

3 Февраля былъ раутъ у Сергѣя Павловича Шипова по случаю именинъ жены его. На раутѣ былъ цвѣтъ не молодежи, а чиновниковъ и савонниковъ. Графъ Закревскій холодно кивнулъ мнѣ головою. Трудно быть менѣе ко мнѣ благосклонну. И за что такое ко мнѣ неблаговоленіе или непривѣтливость? Рѣшительно не понимаю. Графъ любитъ слушать сплетни. Вѣроятно меня представили ему не въ

настоящемъ видѣ мои друзья, и изъ нихъ первый бывший во Владимирѣ губернаторомъ Донауровъ, пустѣйшій и подлѣйшій человѣкъ, первостепенный пустомеля, дурными обо мнѣ отзывами дѣлающей мнѣ честь. Графъ Закревскій неоднократно говорилъ, что я ненадежный человѣкъ для службы, что я только думаю о чужихъ краяхъ. Какъ ему знать объ этомъ? Эти мысли конечно внушены ему никѣмъ другимъ, какъ доброжелателемъ моимъ Донауровымъ. Петръ Михайл. не простилъ мнѣ того презрѣнія, которое я имѣлъ случай ему показывать за всѣ его гадости. Жаль только, что почтенные люди, каковъ графъ Арсеній Андреевичъ, разумѣютъ меня не такъ, какъ слѣдовало.

На раутѣ у Шиповыхъ Ѡ. Н. Глинка по просьбѣ сенатора Семёнова познакомилъ меня съ нимъ. Это умный, образованный человѣкъ, хотя немного резонеръ и доктринеръ. Онъ былъ губернаторомъ въ Вильнѣ и Минскѣ, женатъ на сестрѣ композитора Львова и извѣстенъ еще тѣмъ, что, кажется, вводилъ въ дѣйствіе инвентари по Минской губерніи. Онъ началъ мнѣ рассказывать длинную исторію о томъ, что Русскія начала не вовсе исчезли въ бывшемъ Литовскомъ краю, но нетерпѣливою супругою былъ увезенъ съ бала, не кончивъ своей рѣчи. Надо къ нему ѣхать. Передъ ужиномъ я заговорился съ м-ше Бутурлиной (рожд. княжной Щербатовой) и былъ прерванъ человѣкомъ, пришедшимъ сказать, что меня дожидается *супруга*. Это была сестра Людмила, которая, уѣзжая съ раута, ждала меня въ передней. Я и м-ше Бутурлина много этому смѣялись.

Теперь у насъ гостятъ: братъ Аркадій, пріѣхавшій въ отпускъ изъ Сибири, ожидающій проѣзда своего начальника генераль-губернатора Н. Н. Муравьева, и братъ Сергѣй, котораго батюшка отпустилъ къ намъ, не рѣшась по болѣзни самъ пріѣхать къ намъ.

Въ Москвѣ теперь много говорятъ объ арестѣ Павлова Н. Ф., извѣстнаго литератора и картежнаго игрока. Его засадили, какъ говорятъ, по просьбѣ жены, урожденной Королины Янишь, извѣстной Московской литературщицы, несноснѣйшей изъ женщинъ по своимъ притязаніямъ на умъ и поэтическія дарованія. Эта *Сафо* жаловалась, что мужъ своею игрою и мотовствомъ разоряетъ семейство. Бѣднаго мужа, безъ всякой причины, арестовали, сдѣлали у него домашній обыскъ, нашли запрещенныя книги, нашли это несчастное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, и немудрено, что это послѣднее открытіе будетъ самымъ тяжкимъ обвиненіемъ. По поводу этой исторіи острякъ Соболевскій, который извѣстенъ своими стихотвореніями а прогос, сказалъ слѣдующее четверостишіе:

И куда ни взглянешь,
Все любовь—могла,
Мужа мамзель Янишь
Въ яму засадила!

Нынче утромъ ѣздилъ съ С. П. Полуденскимъ къ имениннику, общему нашему пріятелю Ѡ. С. Офросимову. У него нашли толпу тетушокъ, дядюшекъ, кузинъ, собравшихся на родственнѣй завтракъ. Тутъ меня познакомили съ m-me Зонтагъ, авторомъ многихъ прекрасныхъ дѣтскихъ книгъ. Она сестра А. П. Елагиной. Здѣсь же я встрѣтилъ товарища моего дѣтства В. А. Елагина.

Сестра уѣхала съ братьями и съ Бахъ во Французскій театръ, а я остался дома, чтобы приступить и заняться моимъ дневникомъ. Плодомъ нынѣшняго вечера была настоящая, *первая тетрадь* моего журнала. Le commencement de mon journal est tant soit peu retrospectif. Maintenant j'ai rattrapé du temps qui s'est écoulé dès le commencement de l'an. Впередъ постараюсь идти въ уровень съ временемъ.

Февраль и Мартъ мѣсяцы были богаты происшествіями всякаго рода. Впереди и прежде всего—исторія Политковскаго. Рѣшительно этотъ господинъ моднѣй левъ настоящаго сезона и до сихъ поръ продолжаетъ занимать общее вниманіе цѣлой Россіи, хотя самъ онъ преспокойно лежитъ въ могилѣ. Кто изъ жителей С.-П.-бурга не зналъ Александра Гавриловича Политковскаго: въ продолженіи 17 лѣтъ онъ занималъ мѣсто директора канцеляріи Комитета 18 Августа и удивлялъ Петербургскихъ жителей своею роскошною жизнью, своими обѣдами на славу, такъ что его прозвали нашимъ Монтекристо. Всѣ дивились, откуда бралъ этотъ человекъ средства. Теперь эта тайна разгадана. Онъ жилъ на счетъ инвалиднаго капитала, ввѣреннаго его храненію. Со смертью его не досчитались милліона ста тысячъ рубл. серебромъ. Давно уже носились слухи о подозрительности его богатства, но онъ умѣлъ всегда эти невыгодные слухи обратить въ свою же пользу. Рассказываютъ, что однажды онъ самъ сдѣлалъ на себя доносъ, въ которомъ было указано на недостатокъ денегъ въ Комитетѣ и даже обозначены были номера билетовъ кредит. установленій, которые будто бы размѣнены самимъ директоромъ. Вслѣдствіе этого доноса произведена была повѣрка суммъ, кажется, дежурнымъ генераломъ Игнатьевымъ, и все оказалось въ цѣлости. Политковскій притворился обиженнымъ и въ утѣшеніе за внесенную на него клевету былъ утѣшенъ чиномъ тайнаго совѣтника. Обезопасивъ себя такимъ образомъ отъ всякихъ доносовъ, онъ съ тѣхъ поръ преспокойно грабилъ кассу инвалидовъ и даже, говорятъ, самъ говаривалъ въ шутку, что онъ живетъ на счетъ инвалидовъ. Вотъ что называется утонченное мошенничество. До сего времени въ исторіи Русской администраціи не было примѣра подобной наглости, такого цинизма въ пользованіи казенною собственностію. И гдѣ же все это творилось?—въ Петербургѣ, на гла-

захъ у правительства! По моему мнѣнію въ допущеніи этого грабительства больше всѣхъ виноваты военное министерство и тайная полиція—Чернышевъ и Орловъ должны отвѣчать Государю. Теперь наряженъ судъ надъ генералами, засѣдавшими въ этомъ Комитетѣ. Всѣ знаютъ, что они непричастны этимъ злоупотребленіямъ, всѣ жалѣютъ о нихъ и всѣ соглашаются однакоже, что законъ не можетъ не карать такихъ безпорядковъ. Есть надежда, что участь ихъ будетъ облегчена милосердіемъ Государя, особенно послѣ того, какъ богачъ Яковлевъ пожертвовалъ миллионъ рублей сер. въ распоряженіе Государя, прося его употребить эту сумму по влеченію его сердца. Говорятъ, что деньги эти будутъ обращены на пополненіе расхищенной суммы. Такимъ образомъ, если члены Комитета и подвергнутся наказанію, то семейства ихъ по крайней мѣрѣ будутъ избавлены отъ денежныхъ взысканій и спасены отъ разоренія. Эта исторія глубоко огорчила Государя и надѣлала шуму въ цѣлой Россіи. Правительство принимаетъ мѣры осторожности; говорятъ, отъ всѣхъ вѣдомствъ будутъ всюду разсланы чиновники для внезапнаго свидѣтельства казенныхъ суммъ. Къ несчастію, въ послѣднее время подобные случаи повторяются очень часто. Они указываютъ на общій упадокъ нравственности въ служащемъ сословіи. Роскошь и чрезмѣрное развитіе матеріальной жизни тому причиною.

29 Марта. Былъ у обѣдни въ Университетской церкви, всѣ наши власти были тамъ съ своими семействами: попечитель, его помощникъ, ректоръ. Въ церкви встрѣтилъ стараго знакомаго по Владимиру Д. А. Смирнова, прежде служившаго по выборамъ, а теперь женатаго чело-вѣка и помѣщика. Онъ заходитъ ко мнѣ, рассказываетъ мнѣ о Владимирскомъ житьѣ-бытьѣ, о старыхъ нашихъ знакомыхъ, которыхъ немного уже тамъ осталось, такъ часто мѣняется населеніе нашихъ губернскихъ городовъ. Новаго губернатора (Анненкова) не видно и не слышно! *Notre empire va de pire en pire*, сказалъ мнѣ Смирновъ, говоря о Владимирѣ. Благодарить за доставленіе мѣста родственнику его Михайлову, который радехонекъ освободиться изъ подъ вліянія криваго Соханскаго, мстившаго ему будто бы за то, что Михайловъ не женился на его дочери. На дняхъ получилъ я благодарственное за Михайлова письмо отъ А. Г. Лихачева. А я благодарю Бога, что имѣлъ случай сдѣлать доброе дѣло. Для меня нѣтъ выше удовольствія, какъ радовать и утѣшать другихъ.

Утромъ былъ у Полуденскихъ, Иванова, кн. Урусова и Кирѣевскихъ. Благодарилъ княгиню Е. Петровну за рекомендательное письмо о Туманскомъ къ сестрѣ ея графинѣ Толстой, женѣ Калужскаго губернатора. Душевно буду радъ, если графиня успѣетъ черезъ мужа своего

(во всемъ ее слушающаго) доставить мѣсто молодому Туманскому. Этимъ я ужогу и тетущкѣ Глафирѣ Ивановнѣ, которая писала ко мнѣ и просила похлопотать за него. Много говорятъ о Турецкихъ дѣлахъ и о миссиіи Меньшикова въ Константинополь. Все еще носятя слухи о войнѣ, хотя журналы и увѣряютъ que tout s'arrangera paisiblement. Судя по нашимъ военнымъ приготовленіямъ и по дѣйствіямъ нашего посольства, должно предполагать, что съ Турціею хотятъ покончить. Давно бы пора! И теперь самое удобное для того время: Австрія съ нами заодно, Франція врядъ ли посмѣетъ противиться, новый императоръ ея еще самъ непроченъ на своемъ мѣстѣ. Главный предметъ теперешняго неудовольствія Государя нашего къ Турціи—поведеніе ея въ спорѣ о Святыхъ мѣстахъ и уступки, сдѣланныя ею въ пользу католиковъ. Для насъ важно нравственное вліяніе наше на Востокъ, а это вліяніе неминуемо ослабнетъ, если мы уступимъ въ этомъ дѣлѣ католикамъ. Всѣ наши единовѣрцы, живущіе въ предѣлахъ Турецкой имперіи, издавна почитаютъ Россійскаго императора покровителемъ православной церкви на Востокъ. Понятно, почему мы горячо вступились за наши права. Въ послѣднее время политика наша въ отношеніи къ Турціи была не совсѣмъ удачна. Мнѣ рассказывали, что когда въ прошломъ году былъ посланъ въ Константинополь князь Радзивиль съ письмомъ Государя къ Султану о выдачѣ Венгерскихъ бѣглецовъ, Турецкій кабинетъ подъ разными предлогами долго уклонялся отъ отвѣта. Радзивиль, потерявъ терпѣніе, назначилъ день отъѣзда, приказалъ топить пароходъ, наконецъ перешелъ на него, и только тогда доставленъ ему былъ отвѣтъ, но не отъ Султана, какъ бы слѣдовало, а отъ Дивана. Послѣ такого оскорбленія нашъ посланникъ Титовъ почелъ себя обязаннымъ прекратить всѣ сношенія съ Турецкимъ правительствомъ, о чемъ и донесъ Нессельроде, въ ожиданіи дальнѣйшихъ инструкціи. Въ этомъ неопредѣленномъ и неприятномъ положеніи оставался Титовъ довольно долгое время; отвѣта изъ Спб. не было, между тѣмъ никто изъ Русскихъ служащихъ при посольствѣ не могъ показаться на улицѣ, а Англійской посланникъ серъ Стратфордъ-Редклифъ всякой день заѣзжалъ къ Титову освѣдомляться о его здоровьѣ. Наконецъ былъ полученъ отвѣтъ Нессельроде. Что же писалъ министр? *Monsieur l'ambassadeur, je dois vous dire que vous avez agi avec trop de précipitation; il ne fallait pas briser les vitres. Tâchez de vous arranger à l'amiable.* Послѣ этого вліяніе Титова пошатнулось крѣпко, и онъ вскорѣ оставилъ постъ свой. Винить Титова нельзя, его не поддерживали. Изъ всего этого надо заключить, что важнѣйшіе политическіе посты не слѣдуетъ ввѣрять людямъ безъ кредита и голоса, вполне зависящимъ отъ министра иностр. дѣлъ. Посольство Меньши-

кова должно снова возстановить наше вліяніе въ Константинополь. Онъ при самомъ началѣ далъ славный урокъ Турецкому правительству. Посмотримъ, чѣмъ все это кончится. Въ Англии и особенно во Франціи крѣпко перепугались, но теперь поуспокоились. Между тѣмъ у насъ собираются безсрочные, двигаются на Югъ войска, на дняхъ прибыли сюда чиновники для закупки лошадей. Все это предвѣщаетъ немирный исходъ. Въ Петербургѣ не велѣно говорить о походѣ, молодой Строгановъ проболтался было молодымъ Великимъ Князьямъ, а они полюбопытствовали спросить объ этомъ у Государя. Говорятъ, за это имъ досталось. Быть можетъ, давнишнее предсказаніе сбудется, и Константинополь, завоеванный въ 1453 году невѣрными, будетъ ровно черезъ 400 лѣтъ снова въ рукахъ христіанъ.

Мы живемъ подъ тягостнымъ впечатлѣніемъ холеры. Прибытіе этой незванной гостии въ Москву уже объявлено официально въ газетахъ. Въ послѣднее время холерные случаи сдѣлались чаще и чаще. Да хранить насъ Богъ отъ этого бѣдствія! Между тѣмъ, несмотря на холеру, общественная жизнь продолжается попрежнему. На дняхъ былъ концертъ m-me Біардо. Я ее слышалъ въ первый разъ и долженъ сознаться, что это замѣчательнѣйшая пѣвица. Какъ выразительно пропѣла она нѣсколько Испанскихъ и Русскихъ романсовъ и одну мазурку Шопена. Она особенно удивляетъ своими нижними нотами.

Третьяго дня вечеромъ профессоръ Грановскій читалъ у попечителя отрывокъ изъ приготовляемаго имъ, по порученію нашего министерства, учебника Всеобщей Исторіи. Написано прекраснымъ, одушевленнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ простымъ языкомъ. Жаль, если лѣнь помѣшаетъ Грановскому окончить этотъ трудъ. Изъ слушателей, кромѣ попечителя, было только двое: Сергѣй Полуденскій и я.

Послѣ чтенія Владимиръ Ивановичъ разсказалъ намъ про Преображенскаго офицера, одного изъ Гатчинскихъ любимцевъ и теперь доживающаго свой вѣкъ въ Калужской деревнѣ. Онъ былъ призванъ ночью къ Павлу и получилъ приказаніе отвезти важную бумагу къ коменданту крѣпости. „Онъ тебѣ скажетъ, что ты долженъ, а когда исполнишь—пріѣзжай сказать мнѣ“. Не зная содержанія бумаги, офицеръ отправился въ крѣпость, разбудилъ коменданта. Прочтя бумагу, послѣдній повелъ его въ Алексѣевскій рavelлинъ, къ неизвѣстному лицу, тамъ заключенному, взялъ его, посадилъ въ сани и приказалъ ѣхать на Неву; тамъ дали ему приготовиться къ смертной казни и опустили въ прорубь. Затѣмъ комендантъ приказалъ присланному отправиться къ Государю и доложить, что приказаніе его исполнено. Кто былъ этотъ несчастный, неизвѣстно.

По нашей ценсурѣ самая свѣжая новость: запрещеніе по высочайшему повелѣнію 2-го тома Сборника, издаваемого Ив. Аксаковымъ, съ воспрещеніемъ ему быть редакторомъ какого бы то ни было изданія. Въстѣ съ тѣмъ пятерымъ изъ литераторовъ, участвовавшихъ въ изданіи Моск. Сборника: Ив. Кирѣевскому, Хомякову, двумъ Аксаковымъ и кнѣзю Черкасскому, объявлено черезъ ген.-губернатора съ подписками, что если они пожелаютъ печатать свои сочиненія, то должны представлять оныя не въ Ценсурный Комитетъ, а прямо въ Главное Управление Ценсуры. Я полагаю, что эта послѣдняя мѣра излишняя: это значить придавать слишкомъ много важности этимъ господамъ. Между тѣмъ Аксаковы не унимаются; недавно отецъ Аксаковъ представилъ въ Ценз. Комитетъ прошеніе о дозволеніи издавать ему Охотничій Сборникъ и представилъ огромную программу этого изданія. Они, кажется, хотятъ нарочно раздражить правительство. Попечитель рѣшился самъ отказать ему, не представляя, какъ бы слѣдовало, на разрѣшеніе Главнаго Упр. Ценсуры. Этимъ, можетъ быть, ихъ же оберегаютъ. Но они, пожалуй, будутъ жаловаться.

Какой вздоръ приходится мнѣ читать по моей обязанности! Недавно порученъ моему разсмотрѣнію поступившій въ цензуру переводъ романа Поля Феваля *Comte Barbleu*. Въ доказательство, какъ искусно сдѣланъ переводъ, приведу одинъ примѣръ; въ подлинникѣ сказано: le 4 Juin 1749 fut le jour de clôture des états de Bretagne. Порусски переведено: 4 Юня 1749 былъ день основанія Бретанскаго королевства. Не правда ли это очень мило? За то я съ досады намѣренъ порядкомъ перекрестить эту рукопись!

Я нынче вечеромъ одинъ дома. Сестра Людмила уѣхала съ м-ше Шиповою къ Сушковымъ*). Нынче первый весенній день. У насъ зима продолжалась ровно полгода, а именно съ 1 Октября. Хорошъ климатъ! Послѣ того какъ не желать, чтобы сердце Россіи передвинулось когда нибудь изъ болотъ Ингерманландіи хоть на берега Днѣпра, если не на берега Босфора?

1-го Апрѣля. Эпидемія въ городѣ усиливается, *morbus crescit!* Говорятъ, что въ отдѣленіяхъ, особо устроенныхъ при больницахъ, уже нѣтъ мѣста для помѣщенія больныхъ, и понадобилось устройство

---

*) Сушковы, Николай Васильевичъ и супруга его Дарья Ивановна, сестра поэта Тютчева, жили въ теченіи многихъ лѣтъ у Старога Пимена, въ домѣ Малютина (нынѣ Викторсона). Къ нимъ особенно привлекала племянница хозяйки Екатерина Федоровна Тютчева, дѣвушка необыкновенная по уму, красотѣ, возвышеннымъ чувствамъ и образованности (она знала чуть не наизусть весь кругъ церковный, читая ежедневно въ слухъ для больной своей бабушки книги богослужебныя, и въ тоже время перечла всѣ сочиненія Гёте). П. Б.

особыхъ временныхъ больницъ. До сихъ поръ бюлетеней о ходѣ болѣзни не публикуется. и я вполне одобряю эту мѣру. Зачѣмъ ежедневно пугать публику сообщеніемъ ей возрастающей цифры больныхъ? Впечатлѣніе, производимое этими извѣстіями, самое непріятное. Достаточно, если объ этомъ будутъ знать тѣ, кому слѣдуетъ знать, т. е. власти и медики. Жаль только, что въ минуты опасности не всѣ врачи обладаютъ должнымъ мужествомъ. Одинъ изъ главныхъ медиковъ, Оверъ, обязанный медицинѣ всею своею фортуною, малодушно заперся у себя дома, сказавшись больнымъ. Онъ изъ числа немногихъ врачей, признающихъ холеру заразительною.

Градоначальникъ нашъ, Закревскій, боленъ и, говорятъ, боленъ серьезно. Впрочемъ ему теперь лучше. На дняхъ ожидали въ Москву пріѣзда Великой Княгини Александры Іосифовны и герцогини Мекленбургской (сестры нашей императрицы); но теперь, по случаю появленія здѣсь холеры, пріѣздъ этотъ отмѣненъ. Въ замѣвъ принцессъ, поговариваютъ о пріѣздѣ сюда Наслѣдника.

Турецкій вопросъ все еще ничѣмъ не разрѣшился. Ожидаютъ курьера отъ Меншикова съ окончательными извѣстіями. Восточныя дѣла такъ заинтересовали меня, что я на дняхъ принялся просматривать давно забытыя книги, чтобы освѣжить въ памяти заглохшія свѣдѣнія мои о судьбахъ Царьграда и въ особенности родной нашей матери—Восточной Греческой Церкви, томящейся подъ игомъ Мусульманъ. Съ жадностью читаю я теперь Путешествіе къ Св. мѣсамъ Муравьева. Сочиненіе это, кромѣ увлекательнаго изложенія, интересуется въ особенности свѣдѣніями, которыя оно сообщаетъ о бѣдственномъ положеніи Греческой церкви на Востокѣ. Нельзя равнодушно, безъ досады, читать начало книги, гдѣ описывается конецъ послѣдней Турецкой кампаніи въ 1829 году, и условія Андрианопольскаго мира. Мы были только въ 12 часахъ отъ Царьграда; послѣдній часъ Оттоманскаго владычества въ Европѣ готовъ былъ пробить; назначеніе, указанное намъ Провидѣніемъ, готово было исполниться—и чтоже? По чувству какого-то великодушія и смиренія, для меня непонятному, арміи наши остановились и заключили миръ. не позаботясь даже обезопасить будущность нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ! Говорятъ, что въ это время мы были не довольно сильны, армія наша истощена болѣзнями—все это правда; но и то правда, что мы были такъ грозны, что могли бы предписать всѣ возможныя условія, и Турція навѣрное приняла бы ихъ. Видно, что судьбы войны этой были въ рукахъ не гениальнаго человѣка. Дибичъ не былъ истинно Русскимъ вождемъ, ни по душѣ, ни по воспитанію, ни по вѣрѣ. А наши дипломаты (дѣйствовавшіе подъ вліяніемъ другого Нѣмца, Нес-

сельроде), изъ угожденія иностраннымъ державамъ и по мелочнымъ интересамъ консервативной политики, были неспособны понять своего назначенія. И какъ легко было тогда достигнуть всего того, чего домогаемся мы теперь. Впрочемъ оставимъ наши разсужденія—пути Провидѣнїя неисповѣдимы! Можетъ быть, нашему отечеству суждено теперь совершить подвигъ освобожденія Христіанъ изъ подъ ига Ислама еще съ большею славою, нежели сколько это было возможно двадцать лѣтъ тому назадъ. Отраднѣе быть современникомъ такого всемірнаго событія и еще отраднѣе быть въ немъ участникомъ. Мысль объ этомъ меня безпрестанно занимаетъ¹⁾.

Вчера утро провелъ я у попечителя. Онъ познакомилъ меня съ Алексѣемъ Ник. Бахметевымъ (гофмаршаломъ), котораго я зналъ прежде по репутаціи какъ благороднѣйшаго и образованнаго человѣка. Бахметевъ, чрезвычайно живой и подвижной человѣкъ, наружностію настоящій джентельменъ, чистенькой, чопорный, благообразный²⁾. Онъ много говорилъ о любимомъ своемъ предметѣ, о торговлѣ и промышленности. (У него самого огромныя дѣла—заводы винокуренный и хрустальный). Нападалъ онъ на поклонниковъ свободной торговли, такъ называемыхъ *либр-эманжистовъ* или *free-traders*, жаловался, что съ чужаго голоса и къ намъ проникаютъ эти идеи, которыя, къ сожалѣнію, олицетворились даже въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ государственныхъ людей, напр. въ Тенгоборскомъ, успѣвшемъ уже надѣлать немало вреда послѣднимъ тарифомъ³⁾. Я вполне согласенъ съ Бахметевымъ. Только близорукіе или враги отечества могутъ проповѣдывать у насъ о свободной торговлѣ. Наше спасеніе въ развитіи собственныхъ промышленныхъ силъ и въ огражденіи ихъ до времени отъ иностраннаго совмѣстничества, а

¹⁾ Графъ С. Г. Строгановъ разсказывалъ намъ, что осенью 1829 года онъ, побывавъ въ Москвѣ, представлялся Государю и на его вопросъ о томъ, что толкуютъ Москвичи, отвѣчалъ, что старики твердятъ: при матушкѣ Еватеринѣ взяли бы мы Царьградъ. Государь пріосанился и сказалъ: Je suis heurieux qu' avec cette catin je n' ai de comppin que mon profil! Николая Павловича воспитали въ ненависти къ гениальной его бабкѣ, про которую, дѣйствительно, надо сказать, что „дадеса сѣ пакостникъ плоти, ангель сатанинъ“, но которая искупила передъ современниками и потомствомъ личныя прегрѣшенія беззавѣтною и плодотворною преданностію благу Россіи. П. Б.

²⁾ Пріятель А. С. Хомякова, А. Н. Бахметевъ, въ наступившее вскорѣ новое царствованіе, заступилъ мѣсто В. И. Назимова, но къ сожалѣнію прожилъ недолго. Послѣ него, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, управлялъ Московскимъ учебнымъ округомъ гр. А. С. Уваровъ, и при немъ упразднено помѣщеніе казенныхъ студентовъ въ старомъ зданіи Университета, гдѣ жилось такъ хорошо, въ полномъ обезпеченіи, съ устраненіемъ всякой заботы о квартирѣ, пропитаніи и одеждѣ. Это было сдѣлано вслѣдствіе злоупотребленій казначея. По народной поговоркѣ: осердясь на вши, шубу въ печь! П. Б.

³⁾ Полякъ Тенгоборскій—виновникъ введенія рубля вмѣсто мелкой размѣрной единицы, что такъ усилило въ Россіи дороговизну. П. Б.

не въ подчиненіи нашей еще слабой промышленности вліянію болѣе развитыхъ народовъ. Ошибка приверженцевъ свободной торговли состоитъ въ томъ, что они дѣлятъ всѣхъ жителей государства на какіе-то два враждебные стана: производителей и потребителей, тогда какъ на самомъ дѣлѣ каждый членъ общества есть вмѣстѣ и производитель и потребитель. Хорошо Англіи провозглашать свободную торговлю, когда ея промышленная производительность развилась въ такой степени и достигла такого совершенства, что ей уже неопасно чужое совмѣстничество и что она нуждается только въ одномъ сбытѣ. Да и сама Англія своими громадными промышленными успѣхами обязана только строгой запретительной системѣ. *Voilà le mot de l'énigme**), котораго не хотятъ понимать либр-эшанжисты. Между прочимъ я узналъ отъ Бахметева весьма интересную новость: въ бытность въ Петербургѣ онъ выхлопоталъ черезъ министра финансовъ привилегію для Великороссійскихъ винокуренныхъ заводчиковъ вывозить беспошлинно въ чужіе края хлѣбный спиртъ. Это значитъ усилить заграничный отпускъ нашего хлѣба въ сокращенномъ видѣ. Отъ этого разрѣшенія можно ожидать большія выгоды и для нашей хлѣбной торговли. Бахметевъ уже подрядился въ настоящую навигацію поставить значительное число ведеръ спирта въ Триестъ. Главное надо, чтобы заводчики умѣли поддерживать довѣріе къ нимъ иностранцевъ, отпуская имъ хорошо очищенный спиртъ. Вѣроятно Малороссійскіе и Бѣлорусскіе заводчики, узнавъ объ этомъ разрѣшеніи, спохватятся и будутъ домогаться, чтобы и имъ было представлено тоже право. Если имъ это удастся, то они разумѣется и дешевизною и количествомъ задавятъ Великороссійскихъ заводчиковъ. Поэтому-то Бахметевъ серьезно просилъ насъ не говорить о томъ Капнисту, какъ будто такое дѣло можетъ долго оставаться неизвѣстнымъ!

Вчера вечеромъ былъ въ концертѣ Благород. Собранія. Віардо, не смотря на то, что она еще не совсѣмъ оправилась отъ болѣзни, принимала въ немъ участіе. Съ какимъ одушевленіемъ и выразительностью пропѣла она Русскій романсъ Дорогомыжскаго: „Я все еще его, безумная, люблю“.

Нынче у меня обѣдали Смирновъ, Владимирскій гость, и Сергій Полуденскій; они оба товарищи по Университету. Смирновъ все еще попрежнему пишетъ и говоритъ объ эстетической критикѣ. 12 прошедшаго Января, въ Татьянинъ день, онъ устроилъ во Владимирѣ обѣдъ изъ проживающихъ тамъ воспитанниковъ Моск. Унив-та. Такіе же обѣды были въ Одессѣ и еще гдѣ-то. Погодинъ обрадовался этимъ демонстраціямъ и отхваталъ объ этомъ въ своемъ Москвитянинѣ,

*) Вотъ въ чемъ разгадка. П. Б.

5 Апрѣля. Былъ у обѣдни въ Университетской церкви. По окончаніи литургіи служили молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ объ избавленіи отъ посѣтившей нашъ городъ эпидеміи. Изъ церкви заѣхалъ ко мнѣ попечитель, передалъ мнѣ, для исполненія въ канцеляріи, бумагу отъ гр. Закревскаго съ требованіемъ молодыхъ врачей и студентовъ медиц. факультета въ устроенныя для заболѣвающихъ холерою больницы. Потомъ читалъ статью кн. Львова объ экзаменахъ въ Землед. Школѣ, предназначаемую въ Моск. Вѣдомости. Исправивъ и исключивъ нѣкоторыя мѣста въ этой статьѣ, онъ поручилъ мнѣ доставить ее къ цензору Снѣгиреву, который затруднился ея пропускомъ безъ разрѣшенія попечителя. Я спрашивалъ Влад. Ивановича, доволенъ ли онъ движеніемъ дѣлъ въ канцеляріи при настоящемъ правителѣ. „Полуденскій человекъ очень хорошій и умный, но видно не привыкъ еще къ этому роду службы; дѣла идутъ очень медленно, и нельзя похвалить редакцію бумагъ“. Я спросилъ объ этомъ попечителя, потому что дѣйствительно слышалъ, что дѣла канцеляріи залеживаются и что Полуденскій, къ сожалѣнію, не умѣетъ своихъ подчиненныхъ заставить заниматься. Притомъ онъ не довольно хорошо владѣетъ перомъ, а потому слишкомъ снисходителенъ въ редакціи бумагъ, которая вообще въ нашей канцеляріи не отличается особенною чистотою и правильностью языка. Въ бытность мою правителемъ канцеляріи я не пропускалъ почти ни одной бумаги безъ исправленій. Да и вообще Полуденскій—милый, благородный, умный, для настоящей своей должности какъ-то вялъ и нерасторопенъ, притомъ слишкомъ мягокъ съ своими подчиненными. Строгость въ начальникѣ особенно необходима для того, чтобы заставить заниматься чиновниковъ: иначе все заснетъ и распухнетъ. Говорю это не въ похвалу себѣ (у меня много другихъ недостатковъ); но, повѣривъ себя хорошенько, я всетаки долженъ сознаться, что я рожденъ для этого рода службы и имѣю способность, если не всегда самъ работать, то другихъ одушевлять къ работѣ.

Утромъ заѣзжалъ къ А. Ант. Засѣцкой. Андрея Дмит. не видалъ; мы съ нимъ въ послѣднее время какъ-то рѣдко видаемся; онъ смотритъ буюю, и я понимаю, чьему вліянію онъ подчинился. Въ Москвѣ Вѣра Алексѣевна съ мужемъ своимъ Рубіо. Имя Вѣры, когда-то волновавшее меня, теперь произносится мною равнодушно. Давно, давнымъ давно погасло во мнѣ чувство привязанности къ этой женщинѣ, наполнявшей собою первые годы моей молодости, и ничего кромѣ горькаго сознанія въ слабости и непрочности всѣхъ нашихъ привязанностей не осталось въ сердцѣ моемъ отъ прежней страсти. Я пылко любилъ ее, любилъ долго, но не умѣлъ составить ни ея, ни собственнаго счастья. По свойственной ли мнѣ, вслѣдствіе болѣзни, нерѣшительности, по недо-

статку ли средствъ къ жизни, или потому что я еще не былъ готовъ къ жизни самостоятельной, независимой, я далъ этому чувству охладѣть, а потомъ, когда обстоятельства насъ разлучили, когда я уѣхалъ за границу и, возвратясь, вступилъ на службу во Владимиръ, прежняя привязанность совершенно угасла. Таковъ мущина, и врядъ ли кто изъ насъ можетъ похвалиться постоянствомъ сердечныхъ чувствованій. Не такъ любила меня эта женщина. Когда она увидала, что ей уже нечего больше ожидать отъ меня, она бросила все, отечество, родныхъ, и уѣхала въ чужіе края. Тамъ она предалась изученію любимаго ею искусства—музыки, давала уроки, чтобы имѣть средства къ существованію, вѣроятно терпѣла много лишеній, и наконецъ вышла замужъ за артиста-живописца Рубіо. Я поступилъ конечно дурно; но не по расчету, а просто по слабости человѣческой. Я не хитрилъ, не притворствовалъ, и когда чувство мое остыло, самъ объ этомъ высказалъ Вѣрѣ, скорбя и негодуя на себя. Кажется, съ 1841 года мы не видались. Теперь В. А. съ мужемъ въ Москвѣ. Я избѣгаю свиданія съ нею. Мнѣ какъ-то неловко, непріятно было бы съ нею встрѣтиться. Она вѣроятно тѣхъ же мыслей. Между тѣмъ она мнѣ еще не простила. Разговаривая съ моимъ пріятелемъ Засѣцкимъ, она сказала, что я потому будто бы избѣгаю встрѣчи съ нею, что чувствую свою вину: *знаетъ кошка чье мясо съѣла!* Ей бы не слѣдовало говорить такъ постороннему, особенно если она счастлива и довольна своимъ настоящимъ положеніемъ. Я былъ уже готовъ отвѣчать ей черезъ Засѣцкаго съ нѣкоторою колкостью, но воздержался и, обдумавъ хорошенько, простилъ ей эту выходку, внушенную Богомъ знаетъ какимъ чувствомъ. Оправдываться я не люблю, потому что не люблю хитрить и притворяться. Повѣряя себя, я нисколько не чувствую себя виновнымъ въ отношеніи къ ней: чувствомъ любви нельзя управлять по произволу. Не упрекать, а пожалѣть обо мнѣ слѣдовало бы: я самъ оттолкнулъ отъ себя счастье, которое было такъ возможно, и теперь влачу въ одиночество свое грустное существованіе. Послѣ этой любви были еще вспышки чувства, но уже никого не могъ я полюбить вновь, какъ любилъ Вѣру Алексѣвну.

Заѣзжалъ къ Шиповымъ. Уговорился съ Сергѣемъ Павловичемъ ѣхать завтрашнимъ утромъ къ Чадаеву. Вечеромъ съ сестрою у Гежелинскихъ, къ которымъ давно собирался. Слухи о войнѣ съ Турціею опять возобновились: войска двигаются. Получено приказаніе двинуть на подкрѣпленіе южныхъ корпусовъ одну дивизію изъ здѣшняго корпуса. Старикъ Гежелинскій, быть можетъ не безъ основанія, говоритъ, что Меньшикову не слѣдовало бы фанфаронить такъ и ругаться надъ чужимъ правительствомъ. Надо сначала выгнать хозяина, а потомъ уже распоряжаться его домомъ.

6 Апрѣля. Утромъ у меня братья Полуденскіе и Филимоновъ. Сергѣй Полуденскій рассказываетъ, что получены частныя извѣстія о прїѣздѣ въ Константинополь сера Стратфорда-Редклифа, который наглымъ и грубымъ обращеніемъ съ Меньшиковымъ отмстилъ ему за обиду, нанесенную Туркамъ. Англійскій и Франц. флоты уже въ Архипелагѣ. Если это все правда, то дѣла на Востокъ могутъ разыграться не совсѣмъ выгоднымъ для насъ образомъ. Если мы уже рѣшились дѣйствовать наступательно, то вмѣсто всякихъ бравадъ слѣдовало бы явиться въ Босфоръ съ флотомъ и, опираясь на силу, требовать удовлетворенія. Теперь дѣла могутъ принять другой оборотъ, дорогое время упущено.

Былъ на утрѣ у Чадаева¹⁾, Московскаго умника, который когда-то былъ признанъ безумнымъ. У него встрѣтилъ Шипова, генерала Менда, бывшаго съ Муравьевымъ въ Константинополь въ 1833 году, говоруна-поэта Хомякова, предшественника моего, князя Львова съ сыномъ студентомъ, князя Черкаскаго и еще какого-то князя. Мендъ много говорилъ о Константинополь, о возможности овладѣть этимъ городомъ *par un coup de main*²⁾, о положеніи Босфора, о послѣдней Турецкой кампаніи, когда 20 тыс. Болгаръ послѣдовали за нашею арміею въ Россію и опять въ послѣдствіи бѣжали въ Турцію: такъ хорошо распорядились ихъ водвореніемъ. Хомяковъ рассказываетъ чудеса объ излѣченіи холеры дегтемъ съ коноплянымъ масломъ (пополамъ того и другаго въ рюмкѣ). Всякой холерный припадокъ, если его захватить при началѣ, можно потушить какъ свѣчку. Предохранительнымъ средствомъ отъ холеры, при расстройствѣ желудка и даже при начальномъ обнаруженіи болѣзни, онъ почитаетъ простое хлѣбное вино съ уксусомъ (пріемъ—рюмка вина смѣшаннаго наполовину съ уксусомъ). Болѣзнъ въ эти два дня нѣсколько поуменишилась, заболѣвающихъ меньше. Нѣсколько дней тому назадъ заболѣвало до 120 чел. въ сутки, теперь не болѣе 80 чел. Число выздоравливающихъ больше чѣмъ наполовину.

Вечеромъ у меня Смирновъ. Въ 10-мъ часу ѣду къ попечителю, у котораго назначено чтеніе Грановскимъ его учебника Исторіи. Читаетъ объ Исторіи Китая. Хорошо написано; но видно, что наскоро и что Грановскій еще не обработалъ окончательно труда своего. Остаюсь у Назимова до 2 часу ночи; Влад. Ив. читаетъ вслухъ статью Жеребцова о двухъ современныхъ вопросахъ Полит. Экономіи, напечатанныхъ въ Журн. Мин. Нар. Пр. за 1849 годъ и которую просить его переце-

¹⁾ У П. Я. Чадаева въ теченіи многихъ лѣтъ собирались по Понедѣльникамъ, позднимъ утромъ. Онъ жилъ и умеръ на Новой Басманной, въ глубинѣ двора, въ домѣ Прохоровыхъ. П. Б.

²⁾ Захватомъ.

чатать вновь въ Московск. Вѣдомостяхъ. При нынѣшнихъ ценсурныхъ строгостяхъ нельзя и думать напечатать ее цѣликомъ. Въ ней говорится о свободной торговлѣ и коммунизмѣ, хотя послѣдній и замаскированъ именемъ общинности; говорится дѣльно и основательно. До такой степени боязливости дошли мы, что нынче открыто говорить, даже и въ самомъ благонамѣренномъ духѣ, о современныхъ вопросахъ, занимающихъ мыслящихъ людей, считается чуть не преступленіемъ.

7 Апрѣля. Утромъ былъ въ Гражд. Палатѣ по дѣлу. Мертваго спрашиваетъ меня, правда ли, что Зиновьевъ имѣлъ непріятную исторію съ однимъ гимназистомъ, который едва было его не ударилъ. Я ничего не слыхалъ объ этомъ. Вечеромъ у насъ Смирновъ, К... (величайшій лгунъ) и молодой Бахъ; играемъ въ лото. Я замѣчаю, что К... не совсѣмъ чисто играетъ, оттого всегда въ выигрышѣ.

8 Апрѣля. Утромъ у меня Лисянскій въ мундирѣ, пріѣхавшій отъ попечителя, къ которому назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій на мѣсто Шихматова, заступающаго Зиновьева въ званіи директора 3-й Гимназіи. Малой очень умный и образованный. Онъ только недавно оставилъ Черноморскій флотъ, гдѣ съ особеннымъ отличіемъ служилъ при штабѣ.

Былъ у попечителя; читаетъ мнѣ черновое дополнительное отношеніе къ министру по дѣлу Яминскаго. Нашъ министръ совсѣмъ опустился отъ болѣзни, отъ которой врядъ ли оправится. Онъ ѣдетъ въ чужіе края, ему уже и приготовленъ домъ въ Висбаденѣ. Ожидали пріѣзда сюда Наслѣдника, но теперь получено извѣстіе, что Его Высочество не будетъ. Заѣзжаю къ А. П. Ермолову. Онъ молодцомъ; жаль только, что онъ сидитъ сиднемъ на одномъ мѣстѣ. Онъ очень любезенъ со мною. Говоритъ о Восточныхъ дѣлахъ; основательно замѣчаетъ, что если бы у Порты были умные министры, то имъ слѣдовало бы отвѣчать на требованія иностранныхъ посланниковъ касательно Св. Мѣсть: такъ какъ церковный вопросъ касается васъ, а не Турціи, такъ не угодно ли вамъ трактовать объ этомъ между собою, а меня оставить въ покоѣ? Алекс. Петровичъ, съ свойственнымъ ему особымъ даромъ слова, рассказываетъ анекдоты объ одномъ Полякѣ, игрокѣ-шутерѣ, кажется по фамиліи Хоткевичѣ, котораго онъ когда-то знавалъ въ Кіевѣ. Этотъ господинъ служилъ когда-то во Франціи, бѣжалъ оттуда и перешелъ къ намъ въ Россію; онъ говаривалъ: „я служилъ многимъ королямъ, и мало было оттого проку; но съ тѣхъ поръ какъ я служу бубновому и трефовому королямъ, я увидѣлъ свѣтъ“. Онъ однажды подалъ просьбу къ Государю на какую-то Польскую дѣвицу знатной фамиліи, что она тайно вывозитъ за границу подданныхъ Вашего Величества (т. е. ѣздитъ родить въ Австрію).

1870 годъ *).

1 Января. Вздиль съ поздравленіемъ къ Наслѣднику, Константину Николаевичу, Еленѣ Павловнѣ, герц. Мекленбургскому, къ министру и къ другимъ сановникамъ. Вездѣ, разумѣется, не принимаютъ кромѣ Валуевыхъ и у нѣкоторыхъ дамъ: м-ше Баратынской, Полторацкой, графини Толстой, княжны Львовой, Лабинцовой и Марианне Назимовой. У княжны Львовой познакомился съ м-ше Голохвастовой (фрейлиной Екатерины Михайловны), дочерью нашего цензора. Она сообщила мнѣ, что съ Тютчевымъ будто бы ударъ. У Баратынской засталъ м-ше Делянову, которая говоритъ, что она видѣла Тютчева наканунѣ, что у него просто дѣлаются головокруженія, но что это не мѣшаетъ ему выѣзжать. Валуевы озабочены болѣзнью сына, 14 лѣтняго мальчика, который вытянулся почти въ ростъ. Видъ его очень нехорошій. Я слышалъ, что боятся, чтобы у мальчика не развилась чахотка. Петръ Александровичъ жалуется на катарръ, желтъ и скучень. Разговоръ, разумѣется, о прессѣ, о нашей комисіи, которая пока почти ничего не дѣлаетъ. У графини Александры Андреевны Толстой (la gouvernante) знаколюсь съ ген.-адютантомъ Б. А. Перовскимъ. Она рекомендуетъ меня какъ стариннаго своего Царскосельскаго кавалера. Обѣдаютъ у насъ м-ше Бахъ и Аркадій.

2 Января. На торжествен. обрядѣ присяги по случаю совершеннолѣтія Великаго Князя Алексѣя Александровича. Сначала Вел. Князь присягалъ въ церкви (въ Зимнемъ дворцѣ), а затѣмъ въ тронной залѣ, держась рукою за знамя. По окончаніи церемоніи поздравленія. Во время разѣзда Государь сходитъ съ лѣстницы уже въ пальто и идетъ гулять.

6 Января утромъ въ 8 часовъ, по распоряженію предсѣдателя ценз. комитета, приостановленъ выпускъ 5-го № Судебнаго Вѣстника, по поводу помѣщенной въ немъ передовой статьи, направленной противъ существованія III Отдѣленія, „*этой таинственной власти, пребывающей у Цѣпнаго моста*“, которую авторъ статьи приравниваетъ къ опричинѣ, шептунамъ, тайной канцеляріи и подобнымъ учрежденіямъ. Хотя статья написана въ умѣренномъ, сдержанномъ тонѣ, тѣмъ не менѣе ее нельзя было допустить до выпуска, такъ какъ появленіе ея произвело бы скандалъ и скомпрометировало бы въ конецъ Собственную Канцелярію Государя, дѣйствующую не на основаніи закона, а по личнымъ его указаніямъ и безъ того въ обществѣ ненавистную.

---

*) Въ этомъ году М. Н. Похвисневъ былъ уже начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати. П. Б.

Я одобрилъ распоряженіе цензора и поѣхалъ сообщить о томъ министру. Тимашевъ во дворцѣ на Иордани. Ёду къ обѣднѣ въ Почтамтскую церковь, оттуда опять къ Тимашеву, который между тѣмъ возвратился. Онъ встрѣчаетъ меня вопросомъ: „Вы, вѣроятно пріѣхали по поводу Московскихъ Вѣдомостей? Послѣднія статьи ихъ не могутъ быть терпимы. Пора положить конецъ подобнымъ выходкамъ“. Я объяснилъ ему, что причиною моего посѣщенія не Москов. Вѣдомости, а болѣе крупный случай. Даю ему статью для прочтенія, между тѣмъ и весьма кстати заѣзжаетъ графъ П. А. Шуваловъ прямо изъ дворца. Онъ говоритъ, что онъ ужс слышалъ объ арестѣ Судебн. Вѣстника, но самой статьи не читалъ. Онъ возмущенъ статьями Москов. Вѣдомостей и повидимому мало интересуется Судеб. Вѣстникомъ. Министръ читаетъ ему статью изъ послѣдней газеты противъ III Отдѣленія. Il fait bonne mine au mauvais jeu и по наружности сохраняетъ полное спокойствіе и достоинство и что удивительно,—его больше беспокоятъ Москов. Вѣдомости. Проситъ меня прочесть вслухъ передовую статью послѣдняго № Моск. Вѣд. (№ 3), которой я еще не читалъ. Рѣшено дать предостереженіе. Министръ поручаетъ мнѣ собрать на завтра Совѣтъ, прибавивъ къ тому, что онъ надѣется, что рѣшеніе состоится единогласно. Что-же касается до Судеб. Вѣстника, то условлено, что Шуваловъ сегодня же доведетъ объ этой статьѣ до свѣдѣнія Государя и испроситъ его рѣшенія, о чемъ тотчасъ дастъ знать министру, самый же номеръ пока удержать подъ арестомъ. Министръ объясняетъ, что Главное Управленіе, задержавъ выпускъ №, обязано или возбудить судебное преслѣдованіе или освободить № изъ подъ ареста, а потому проситъ графа ускорить разрѣшеніемъ этого дѣла. Я ёду домой посылаю за правителемъ дѣлъ и приказываю собрать на завтра Совѣтъ, а между тѣмъ изготovitъ проэктъ предостереженія Москов. Вѣдомостямъ. Вечеромъ пишу записку къ Ѳ. П. Еленеву (члену Совѣта, наблюдающему за Москов. Вѣдомостями) и предупреждаю его, что главнымъ предметомъ завтрашняго засѣданія будетъ обсужденіе передовыхъ статей этой газеты (№№ 2 и 3) и что министръ полагаетъ необходимымъ положить предѣлъ непозволительнымъ выходкамъ Московской газеты.

7 Января. Въ 12 часовъ засѣданіе Совѣта Главн. Управленія по дѣламъ печати. Первое слово я предоставилъ члену Совѣта Еленеву, наблюдающему за Моск. Вѣдомостями. Онъ прочелъ изготovitенное имъ письменное заявленіе, которое я, обратясь къ моему сосѣду Толстому, назвалъ не обвиненіемъ, а панегирикомъ Моск. Вѣдомостей. Въ миѣніи Еленева, весьма хорошо написанномъ, хотя и говорится наряду съ крупными достоинствами и о крупныхъ недостаткахъ газеты Каткова, тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ членъ Совѣта находитъ неудобнымъ

давать ей предостереженіе; по его мнѣнію это было бы политическою ошибкою, такъ какъ послѣдствіемъ предостереженія, зная послѣдовательность и твердость правилъ редакторовъ, было бы прекращеніе ими изданія газеты, что весьма вредно отозвалось бы на нашей журналистикѣ: мы лишились бы патріотическаго органа и остались бы съ Курочкиными и Антоновыми. Въ виду сдѣланнаго мною г. Еленеву предупрежденія о твердомъ намѣреніи министра относительно Моск. Вѣдомостей, я не могъ не удивиться такому категорическому заявленію въ пользу этого изданія со стороны члена Совѣта. Повидимому Еленевъ надѣется поколебать и парализовать своимъ мнѣніемъ рѣшимость министра. Къ его мнѣнію, разумѣется, пристали членъ Сов. Каменскій, страстный поклонникъ Каткова, *quand-même* *), и Веселаго, всегда уклончивый и прислушивающійся къ общественному голосу и особенно къ голосу маленькихъ дворовъ (онъ преподаватель Вел. Кн. Алексія Александр. и по случаю совершеннолѣтія Вел. Князя получилъ Анненскую ленту); Петровъ высказался двусмысленно. Стремоуховъ, всегда вотировавшій Стремоуховъ, на этотъ разъ былъ мнѣнія противнаго, находя послѣднія статьи менѣе рѣзкими и потому не заслуживающими карательной мѣры, Толстой тоже. Лазаревскій (вѣроятно подъ впечатлѣніемъ статей Петербургскихъ журналовъ, враждебныхъ Каткову) далъ рѣшительный голосъ въ пользу предостереженія. Вакаръ тоже. Видя колебаніе нѣкоторыхъ изъ членовъ, видимо боявшихся наложить руку на Каткова, я предложилъ обсудить послѣднія статьи по совокупности съ прежними, которыя принимались къ свѣдѣнію и счету и записывались въ наши журналы какъ матеріалъ на случай принятія карательной мѣры; при такой постановкѣ вопроса, къ мнѣнію о необходимости предостереженія присоединился Толстой. Фуксъ, пришедшій позже, далъ рѣшительное мнѣніе за предостереженіе. Я положительно высказался за предостереженіе и при этомъ привелъ всѣ доводы въ пользу моего мнѣнія, основаннаго на искреннемъ убѣжденіи, что, въ виду высшей степени рѣзкихъ и оскорбительныхъ для правительства выходокъ Моск. Вѣдомостей, нельзя оставить ихъ безъ взысканія; иначе пришлось бы навсегда отказаться отъ всякаго контроля надъ этою газетою и прямо сознаться въ нашемъ безсиліи; что, представляя въ послѣднихъ статьяхъ своихъ правительственную дѣятельность въ самомъ мрачномъ видѣ, редакція способствуетъ къ распространенію въ обществѣ неосновательныхъ опасеній и тѣмъ возбуждаетъ недовѣріе къ правительству; что, несмотря на всѣ свои патріотическія побужденія, Моск. Вѣдомости настойчиво присваиваютъ себѣ право порицать несогласныя

*) Во чтобы ни стало.

съ ихъ воззрѣніями правительственныя дѣйствія и распоряженія, истолковывая ихъ въ смыслѣ крайне оскорбительномъ для нѣкоторыхъ изъ государственныхъ лицъ, облеченныхъ довѣріемъ верховной власти, и такимъ образомъ вносятъ въ наши общественныя отношенія и сужденія ту смуту и ту рознь, на которыя сами постоянно сѣтуютъ; что, наконецъ, подобныя явленія въ печати, несогласныя съ духомъ дѣйствующихъ о ней постановленій, не могутъ быть терпимы безъ прямого ущерба достоинству и значенію правительственной власти (всѣ мои доводы съ значительными, впрочемъ, сокращеніями, сдѣланными министромъ, вошли въ текстъ предостереженія). Такимъ образомъ составилось большинство противъ Москов. Вѣдомостей (6 противъ 5), и я не считалъ уже нужнымъ настаивать на привлеченіи новыхъ голосовъ, хотя склонить Петрова и Стремоухова не представляло большой трудности*).

Получилъ записку отъ министра, приглашавшаго меня пріѣхать къ нему вечеромъ, такъ какъ у него должны были собраться шефъ жандармовъ и министръ юстиціи по поводу дѣла о Судебномъ Вѣстникѣ.

Вечеромъ у министра. Онъ удивляется, что въ такомъ важномъ и притомъ ясномъ дѣлѣ, какъ дѣло Московскихъ Вѣдомостей, могло состояться разногласіе. Я возразилъ, что, будучи увѣренъ въ большинствѣ, я не считалъ уже нужнымъ оказывать особое давленіе на мнѣнія членовъ. Онъ спросилъ имена членовъ, давшихъ голоса противъ предостереженія. Сообщаетъ мнѣ, что у Государя было небольшое совѣщаніе по дѣлу Судебн. Вѣстника, на которомъ графъ Паленъ высказался въ пользу судебного преслѣдованія этой газеты, что конечно, немало удивило и министра, и меня. Отдать подъ судъ за статью противъ III Отдѣленія значило бы отдать его на пропятіе и нанести смертельный ударъ, *coup de grâse*, этому учрежденію, которое пользуется такимъ нерасположеніемъ въ обществѣ. Я прямо это высказалъ, и министръ вполнѣ

---

*) Князь П. А. Вяземскій написалъ тогда доселѣ неизданное стихотвореніе, которое начиналось такъ:

Нѣтъ, Хлестаковъ еще не умеръ!
 Вамъ стоить заглянуть въ любой
 „Московскихъ Вѣдомостей“ номеръ,
 И онъ очутится живой.
 Все также хлещетъ самохвальствомъ...
 За пани-брата и съ начальствомъ,
 И самъ начальство всѣхъ начальствъ...

За тѣмъ Катковъ въ переловой статьѣ выразился, что его дѣятельность даже тревожитъ сонъ придворныхъ стихотворцевъ. П. Б.

со мною согласился. Приѣзжаютъ сначала графъ Паленъ, а потомъ графъ Шуваловъ. Сужденіе идетъ о Судебномъ Вѣстникѣ. Паленъ заявляетъ, что по совѣщанію съ своими юристами онъ полагаетъ возможнымъ возбудить противъ редакторовъ Судебнаго Вѣстника судебное преслѣдованіе. Я внутренно этому удивляюсь и могу объяснить себѣ такое мнѣніе, что онъ, какъ министръ юстиціи, не могъ высказаться иначе, какъ въ пользу принятія мѣры, указанной закономъ. Впрочемъ, пожалуй юристы дали такое мнѣніе съ цѣлью привлечь на гласный судъ такое соблазнительное дѣло, какъ памфлетъ противъ III Отдѣленія. Министръ и я выразили, конечно, мнѣніе противное. Шуваловъ большею частію молчалъ. Я предложилъ разрѣшить мнѣ войти въ аккомодацию съ редакторами, которые уже заявляли предсѣдателю Ценз. Комитета, что они не прочь выпустить номеръ съ исключеніемъ передовой статьи, подавшей поводъ къ аресту, если это только можно сдѣлать безъ особеннаго ихъ униженія. Паленъ и министръ находили эту мѣру самую удобною. Шуваловъ не высказывался, замѣтивъ только: „они еще хотятъ предлагать свои условія“. Ожидаютъ приѣзда князя Урусова (статсъ-секретаря), который хотѣлъ приѣхать изъ какого-то комитета послѣ 10 часовъ. Въ ожиданіи его позвали директора канцеляріи Макова для совѣщанія по дѣлу объ устройствѣ полиціи. Я не считъ приличнымъ оставаться долѣе и, передавъ министру проэктъ предостереженія Моск. Вѣдомостямъ, о которыхъ особенно заботится Шуваловъ, спрашивавшій у меня, когда будетъ отослано предостереженіе въ Москву, уѣхалъ. На крыльцѣ встрѣтился съ Урусовымъ, который мимоходомъ сказалъ мнѣ *qu'il serait bon de donner l'avertissement à Катковъ* *).

8 Января. Утромъ въ 11 часовъ по приглашенію у министра, который только что приѣхалъ отъ Государя. Онъ возилъ къ Государю редактированный имъ окончательно проэктъ предостереженія Москов. Вѣдомостямъ. Передаетъ его для отправленія сегодня же въ Москву, по моему совѣту телеграфируетъ шифромъ къ князю Долгорукову, предупреждая его о посылаемомъ предостереженіи. Насчетъ Судебн. Вѣстника рѣшено такъ: оставить номеръ подъ арестомъ, если они не будутъ просить о выпускѣ его съ исключеніемъ передовой статьи, судебного же преслѣдованія не возбуждать и въ случаѣ жалобы редакторовъ за задержку номера безъ отдачи подъ судъ, то предъявить высочайшее о томъ повелѣніе.

Отъ министра ѣду въ Главное Управленіе для распоряженій объ

---

*) Было бы хорошо дать предостереженіе Каткову.

отсылкѣ бумагъ въ Москву. Пишу конфиденціально къ Росковшенко¹⁾, прося его принять все зависящія отъ него мѣры для удовлетворительнаго исполненія по дѣлу Каткова и для устраненія нежелательныхъ въ семь случаевъ затрудненій и усложненій. Выражаю мое удивленіе, что отъ комитета до сихъ поръ нѣтъ донесенія о передовыхъ статьяхъ Моск. Вѣдомостей, подавшихъ поводъ къ карательной мѣрѣ.

Вечеръ дома утомленный и физически и еще болѣе нравственно. Сестра на вечерѣ у m-me Баратынской.

9 Января. День кончины матушки. Ѣздили съ сестрою на Троицкое подворье служить панихиду. Приглашенъ вечеромъ къ графинѣ Блудовой на засѣданіе Кирилло-Меѳодіевскаго Братства. Ёду въ 8 часовъ, застаю графиню и кружокъ дамъ, слушающихъ чтеніе П. В. Анненковымъ послѣдней ярой статьи Москов. Вѣдомостей, въ которой Катковъ поставилъ на одну доску и Бакунина, и Нечаева, и Петербургскіе журналы, и вѣдомство печати, и Министерство Внутр. Дѣлъ. Вотъ, подумалъ я, кстаги читать и восхищаться статьями Моск. Вѣдомостей въ ту самую минуту, когда въ Москвѣ имъ объявляютъ предостереженіе, которое завтра прочтутъ и въ Правительственномъ Вѣстникѣ. *Je fais bonne mine au mauvais jeu*²⁾. Но чтобы приготовить умы къ громовому извѣстію о предостереженіи Каткову, я, по окончаніи чтенія, когда графиня была внѣ себя отъ удовольствія, скромно ей замѣтилъ, что подобныя статьи, въ которыхъ говорится о существующемъ на берегахъ Невы ржондѣ и о томъ, что все дурныя партіи и дурныя журналы солидарны съ вѣдомствомъ печати и съ Мин-вомъ Внут. Дѣлъ, могутъ наконецъ подвести редакторовъ Москов. Вѣдомостей подъ отвѣтъ. Антонина Дмитріевна возразила: „Что-же вы сдѣлаете? Не дадите ли имъ предостереженіе?“—А хоть бы и такъ, отвѣчалъ я.—„Да это будетъ величайшая глупость!“ воскликнула графиня. Мнѣ не оставалось болѣе какъ расхохотаться.

На засѣданіи участвовали Е. Н. Карамзина, графиня Шереметева³⁾, княгиня Долгорукова, m-me Шеншина, Ѡ. П. Корниловъ, П. В. Анненковъ, скучнѣйшій сенаторъ Рѣмеръ и еще нѣсколько мушья и дамъ. По окончаніи чтенія бумагъ, счетовъ и смѣты, внеся на расходы по братству 15 р., я потихоньку уѣзжаю въ Итал. оперу.

¹⁾ Предсѣдатель Московскаго Цензурнаго Комитета, Иванъ Васильевичъ Росковшенко (переводчикъ съ Англійскаго, Шекспировскаго „Ремео и Юлія“), какъ частный человѣкъ достойный полнаго уваженія; но какъ цензоръ, совсѣмъ не то, что Ѡедоръ Павловичъ Еленевъ, П. Б.

²⁾ Здѣсь и выше не умѣемъ перевести это Французское выраженіе. П. Б.

³⁾ Мачиха графа Сергія Дмитріевича. П. Б.

10 Января Суббота. Сегодня напечатано въ Правит. Вѣстникѣ предостереженіе Москов. Вѣдомостямъ.

11 Января Воскресенье. Получилъ депешу отъ Росковшенка съ увѣдомленіемъ, что предостереженіе сегодня въ Моск. Вѣдом. напечатано и что редакторы въ передовой статьѣ этого же №, сознаваясь въ своей винѣ, остаются при изданіи. Кто бы могъ подумать, что Катковъ приметъ публично покаяніе? Это что-то въ высшей степени своеобразно, чему плохо вѣрится. Бѣду къ министру, не застаю его; онъ уѣхалъ на желѣз. дорогу встрѣчать привезенное изъ-за-границы тѣло м-ше Нарышкиной (жены Эмануила), съ которою онъ былъ очень друженъ. Оставляю ему Московскую депешу.

12 Января Понедѣльникъ. Получаю приглашеніе на обѣдъ сегодня въ 6 часовъ къ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Обѣдали en petit comité¹⁾: Великая Княгиня, м-ше Баратынская, сенаторъ Бревернъ и я. Она благодаритъ меня за мои хлопоты въ Мин-вѣ о скорѣйшемъ разрѣшеніи продажи изданной, sous ses auspices²⁾ за границу, книги: Крестьянское дѣло въ Россіи, въ царствованіе Александра II, составилъ Скребицкій. Книга эта почти 1½ года лежала въ Земскомъ отдѣлѣ. По моему настоянію дѣло двинулось (по всеподд. докладу министра состоялось разрѣшеніе Государя на выпускъ книги). За обѣдомъ разговоръ о Катковѣ, о Герценѣ, объ арестаціи Судебнаго Вѣстника. Великая Княгиня всѣмъ интересуется. Подарила мнѣ экземпляръ книги Скребицкаго. Послѣ обѣда разговоръ о Западномъ краѣ, о бывшихъ тамъ генералъ-губернаторахъ. Je les ai vus tous passer devant moi³⁾, сказала она⁴⁾.

(Съ дозволенія П. И. Щукина извлечено изъ IX книги его Сборника).

¹⁾ Въ небольшомъ числѣ.

²⁾ Подъ ея покровительствомъ.

³⁾ Ихъ всѣхъ видала я передъ собою.

⁴⁾ Къ сожалѣнію, дальнѣйшихъ Записокъ Похвиснева не имѣемъ. Сколько намъ извѣстно, онъ умеръ холостякомъ. П. Б.